

Чочиев Георгий Витальевич

ЧЕРКЕССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТАМБУЛЕ В "ПЕРИОД ПЕРЕМИРИЯ" 1918-1922 ГГ.

В статье рассматривается деятельность организаций, созданных представителями северокавказской диаспоры в оккупированном войсками Антанты Стамбуле в "период Перемирия" 1918-1922 гг. На основе анализа программных документов обществ дается характеристика их взглядов и целей, отразивших эволюцию черкесского этнонационального движения в стране на указанном этапе. Выявляются причины, приведшие к постепенному спаду активности черкесской элиты в начале 1920-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/50.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(65): в 2-х ч. Ч. 1. С. 195-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(5)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается деятельность организаций, созданных представителями северокавказской диаспоры в оккупированном войсками Антанты Стамбуле в «период Перемирия» 1918-1922 гг. На основе анализа программных документов обществ дается характеристика их взглядов и целей, отразивших эволюцию черкесского этнонационального движения в стране на указанном этапе. Выявляются причины, приведшие к постепенному спаду активности черкесской элиты в начале 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: Стамбул; период Перемирия; черкесы; диаспора; общественные организации; этнонациональное движение; просветительство; Антанта; кемалисты.

Чочиев Георгий Витальевич, к.и.н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
georg-choch@yandex.ru*

ЧЕРКЕССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СТАМБУЛЕ В «ПЕРИОД ПЕРЕМИРИЯ» 1918-1922 ГГ.

Подписание османским руководством 30 октября 1918 г. в Мудросе акта о капитуляции перед державами Антанты положило начало так называемому периоду Перемирия в турецкой истории, продлившемуся формально до заключения 11 октября 1922 г. Муданийского соглашения между кемалистским правительством и представителями союзников о прекращении враждебных действий, а фактически – до подписания в июле 1923 г. Лозаннского мирного договора. Определяющим обстоятельством этого временного отрезка была оккупация войсками Антанты существенной части бывшей территории Османской империи, включая ее столицу. После высадки в Стамбуле в ноябре 1918 г. англо-французского десанта власть в городе и прилегающих к нему районах полностью перешла в руки верховных комиссаров держав-победительниц и подконтрольного им султанского правительства. В своей внутренней политике новый режим стремился решительно отмежеваться от курса младотурок, вовлекших страну в мировую войну на стороне Германии и осуществивших масштабные репрессии против национальных меньшинств, и значительно расширил возможности легальной общественно-политической и этнокультурной деятельности на управляемой им территории. Это имело результатом быстрый выход на авансцену большого числа различных по своей направленности партий, ассоциаций, органов печати и других институтов гражданского общества [13, p. 59-61].

В данном контексте положение столичных северокавказских диаспорных активистов выглядело несколько двусмысленным. С одной стороны, их усилиями в османском государстве уже была заложена пусть и не очень давняя, но достаточно значимая традиция неполитического культурноориентированного (преимущественно просветительского) черкесского движения, прерванного лишь установленной младотурками в предвоенный период диктатурой туркистского толка [1, с. 196-200]. С другой стороны, в годы войны определенная часть черкесской военно-политической элиты выступала в роли сателлитов младотурецкого руководства и курировавших его немцев в их кавказской стратегии, рассчитывая таким путем добиться «освобождения» исторической родины. Созданное этой группой весной 1918 г. Общество Северного Кавказа (ОСК) к моменту вступления в Стамбул сил союзников являлось единственным действующим черкесским объединением в стране. Ввиду этого оккупационная администрация была с самого начала склонна воспринимать продвигавших идею кавказской независимости черкесских деятелей и их организацию как «ответвление» и скрытый инструмент ушедших в подполье структур прежнего режима [6, p. 1-2]. Кроме того, позиции этих кругов осложнялись тем, что председатель ОСК полковник спецслужб Хюсейин Тосун-бей (Шхапли) и некоторые другие лидеры общества входили, с точки зрения властей, в число наиболее одиозных младотурецких функционеров, а ряд членов организации обвинялся в причастности к депортациям армян и греков во время войны (многие из этих лиц вскоре были арестованы и сосланы на Мальту англичанами) [13, p. 48].

Между тем большинство черкесских активистов отнюдь не проявляло желания выступать в роли апологетов младотурок и их политики и явно было готово искать поддержки в деле воплощения в жизнь своих этнонациональных устремлений у новых властей. Так, уже в ноябре 1918 г. было внесено симптоматичное дополнение в название ОСК, которое отныне стало именоваться Благотворительным обществом Северного Кавказа (БОСК). Одновременно был существенно упрощен порядок приема новых членов в организацию, в результате чего в ее составе, наряду с прежним, подобранным в соответствии с политическими и персональными предпочтениями младотурецких руководителей, преимущественно военно-бюрократическим ядром, появилось значительное число выходцев из более широких городских слоев – представителей интеллигенции, студенчества, служащих, лиц свободных профессий, духовенства и др. [6, p. 2-3; 14, p. 53]. Эти меры, безусловно, были направлены на придание БОСК облика ориентированного исключительно на социокультурную деятельность массового общественного объединения.

В начале 1919 г. были предприняты дальнейшие шаги по укреплению обновленного имиджа организации. В частности, был разработан и опубликован для утверждения на намечавшемся (но так и не состоявшемся)

первом съезде общества проект его устава, в котором в качестве важнейших целей были названы «защита национальных прав коренных народов Северного Кавказа, проживающих на родине и в диаспоре; упрочение братства, национальной солидарности и взаимопомощи между указанными народами; стимулирование национального характера; распространение и популяризация наук и прикладных знаний и в особенности национального просвещения; поощрение ремесел и торговли; покровительство сиротам и нуждающимся в помощи семьям; увеличение численности национального населения путем борьбы с болезнями; поддержание чистоты рода» и др. Для достижения этих целей предполагалось привести национальные языки в письменное состояние, создать в стране сеть национальных школ, открыть отделения общества в местах компактного проживания кавказских групп, издавать на различных языках газеты и брошюры и добиваться на международном уровне реализации своих национальных прав [11, р. 30]. Перечисленные положения были конкретизированы в составленном несколько позднее, вероятно в марте 1919 г., другом документе – инструкциях центрального руководства БОСК создаваемым в провинциях отделениям, – опубликованном за подписью экс-корреспондента османского Национального телеграфного агентства в Женеве Мехмеда Шамиль-бея (Шхапли) (по материнской линии правнука имама Шамиля), который, по всей видимости, координировал в этот период работу по реформированию организации. Данное циркулярное послание, провозглашавшее всех северокавказцев «единой большой семьей и единой нацией», подробно излагало первоочередные задачи активистов общества на местах в культурно-образовательной, социальной и экономической сферах. В частности, им предписывалось добиться осуществления во всех из более чем тысячи черкесских сел страны всеобщего начального «национального» образования, обеспечить в них должный уровень медицинского и санитарного обслуживания и контроля, заботиться о сохранении и развитии национальной культуры, стимулировать внутринациональную экономическую взаимопомощь и солидарность, препятствовать заключению браков с некавказцами, бороться с архаичными пережитками в общественной и семейно-бытовой жизни, сформировать путем введения практики ежегодных обязательных отчислений из доходов сел «центральный» (общедиаспорный) и местные денежные фонды для финансирования «благонацеленных нужд кавказцев» и т.д. [12, р. 14].

Оба текста продолжали и во многом развивали этноохранные и национально-возрожденческие идеи, заложенные в программных документах основанного в 1908 г., но с началом войны свернувшего свою деятельность старейшего объединения северокавказской диаспоры – Черкесского общества единения и взаимопомощи (ЧОЕВ) [1, с. 197-198]. Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что, в отличие от последних, в документах БОСК отсутствовали декларации о безусловной и неизменной приверженности черкесов османскому государству и нации, равно как халифату и другим исламским институтам; связанные же с самоидентификацией диаспоры акценты были смещены в сторону ее отождествления, прежде всего, с сообществом народов Северного Кавказа, а не с османско-мусульманским социумом, при явном усилении этноизоляционистских мотивов. Эти тенденции отражали несомненные сдвиги в сознании черкесской интеллигенции, которые были вызваны проявившимися в предыдущее десятилетие важными внутренними и внешними факторами, а именно крахом идеологии равенства и братства всех народов империи – османизма, стремительным распространением националистических доктрин в среде турецкого этноса и большинства меньшинств страны, вступлением в завершающую стадию процесса дезинтеграции Османской империи, оживлением контактов диаспорных активистов с этнической родиной и т.д.

В соответствии со своими программными принципами БОСК в течение всей первой половины 1919 г. предпринимало весьма энергичные усилия по возобновлению массовой культурно-просветительной деятельности в русле довоенных традиций ЧОЕВ и других черкесских обществ. Так, возглавленная автором ряда полупрофессиональных кавказоведческих трудов генералом Юсуфом Иззет-пашой (Чунатуко) комиссия по разработке письменности поставила перед собой амбициозную задачу создания и скорейшего внедрения в образовательную и издательскую практику единого северокавказского алфавита на латинской основе, который должен был заменить тестировавшиеся до 1913 г. арабографичные системы письма. За указанный период комиссия, используя наработки предшествующих лет, смогла подготовить и опубликовать две версии алфавита: адыгскую, предложенную молодым преподавателем-филологом Батуком Харуном (Бленауко), и абхазскую, авторство которой принадлежало заместителю директора Галатасарайского лицея Мустафе Шахин-бею (Бутба) [5, р. 75; 6, р. 5]. В эти же месяцы свет увидели несколько адыгоязычных изданий общества, напечатанных вновь созданной латиницей (учебные пособия, стихотворные сборники и т.п.), которые распространялись не только в Стамбуле и анатолийских провинциях, но и переправлялись на Кавказ [4, р. 14-15].

Очевидно, что лидеры БОСК намеревались официально зарегистрировать организацию с целью ее сохранения в легальном общественном поле в качестве вполне лояльного существующему режиму социально-культурной структуры, возможно, не теряя при этом надежды и на продолжение при благоприятных условиях политической активности на кавказском направлении. Эти расчеты, однако, оказались несостоятельны. Султанские власти, по-прежнему подозревавшие БОСК в контактах с младотурецким подпольем и ведении антиправительственной пропаганды, сочли за благо закрыть внушавшее им недоверие объединение. Информация о его неблагонадежности была доведена и до сведения командования оккупационных сил. В результате 21 июня 1919 г. английские военные и полицейские явочным порядком распустили БОСК, опечатав его штаб-квартиру и изъяв всю хранившуюся там документацию [6, р. 2-3; 14, р. 55-56].

Это, впрочем, не означало немедленного прекращения деятельности общества. В течение некоторого времени его члены продолжали тайно собираться в частных домах и гостиницах, а затем попытались реанимировать официально никогда не закрывавшееся ЧОЕВ, которое летом 1919 г. было повторно зарегистрировано. Воссозданное таким образом ЧОЕВ, председателем которого был избран далекий от политики директор

османской судоходной компании «Халич» Исмаил-бей (Хасиг), в дальнейшем активизировало свою деятельность, однако занималось исключительно благотворительностью: оказанием помощи малоимущим, опекой учащихся и т.п. [2, р. 23, 46; 9, р. 36].

Что же касается более масштабных проектов культурной и социальной направленности, то лидеры диаспоры, учитывая крайне пристрастное отношение режима к бывшим кадрам ОСК и желая обезопасить от повторения его судьбы ЧОЕВ, сочли целесообразным сосредоточить активность этого рода преимущественно под «крышей» другого объединения – Общества взаимопомощи черкесских женщин (ОВЧЖ), – в силу своей гендерной природы в гораздо меньшей степени способного вызвать подозрения властей. Собственно, ОВЧЖ начало создаваться еще в сентябре 1918 г. по инициативе и при поддержке патриарха северокавказской диаспоры маршала и сенатора Фуад-паши (Тхуго) и Юсуфа Иззет-паши, считавших необходимым активнее привлечь черкесских женщин Стамбула, и прежде всего их образованную часть, к просветительной и благотворительной работе, что было особенно важно с учетом кризиса в военные годы данных направлений черкесского движения и увеличения числа сирот, вдов, инвалидов, бедствующих семей и т.д. Политические потрясения, связанные с поражением Османской империи и иностранной оккупацией, несколько замедлили процесс формирования этой организации, однако уже в мае 1919 г. она была окончательно зарегистрирована правительством. Ее официальными учредителями являлись женщины с весьма высоким общественным статусом, в основном жены, сестры или дочери генералов, депутатов парламента и т.п. Председателем ОВЧЖ была избрана супруга Юсуфа Иззет-паши писательница Хайрие Мелек-ханым (Хундж) [10, р. 21; 16, р. 46].

Судя по положениям устава ОВЧЖ, оно в отличие от современных ему немногочисленных женских объединений страны отнюдь не ставило перед собой эмансипационистских целей, а, напротив, явно тяготело к тому, чтобы заниматься «общенациональными» задачами северокавказской диаспоры в культурной, педагогической и социально-экономической областях. Так, вполне в духе программных документов БОСК констатировалось намерение «оказывать помощь нуждающимся из числа черкесов; покровительствовать их детям обоего пола в создаваемых приютах, школах и работных домах; распространять национальное воспитание; возрождать национальные промыслы; поощрять личную инициативу» и т.д. [7, р. 4-7]. Поскольку вскоре после учреждения ОВЧЖ к нему примкнула большая часть активистов запрещенного БОСК, дальнейшая деятельность организации фактически представляла собой результат совместных усилий этих двух групп [6, р. 5].

Наиболее весомым достижением ОВЧЖ было воссоздание в Стамбуле национальной школы среднего уровня – так называемой Черкесской образцовой школы, которая ориентировалась на европейские стандарты просвещения и должна была в перспективе стать моделью для аналогичных учреждений в провинциях. Это рассчитанное на 150-180 мест шестилетнее учебное заведение, руководителем которого стала студентка Стамбульского университета Сеза-ханым (Поох), одним из первых в Османской империи на практике реализовало принцип совместного обучения мальчиков и девочек [13, р. 505]. В школьной программе, наряду с общеобразовательными предметами, присутствовал национально-культурный блок дисциплин (история и география Кавказа, адыгский язык, фольклор, народное музыкальное и хореографическое искусство и т.д.), а также европейские языки, литература, музыка, танцы и др. Обучение велось на турецком и адыгском языках. Большинство преподавателей, среди которых были выпускники Стамбульского и европейских университетов, работали на общественных началах, а примерно треть детей обучалась бесплатно. В здании школы была также открыта элитная пошивочная мастерская с целью надления заработком малообеспеченных черкесских женщин [10, р. 21-24].

В марте 1920 г. ОВЧЖ издало первый номер журнала «Дийане» (по-адыгски «наша мать»), редактором которого являлась Хайрие Мелек. На его страницах были размещены статьи и комментарии по вопросам культурной и общественной жизни Кавказа и диаспоры, образцы фольклора и т.п. Журнал планировалось выпускать дважды в месяц, однако его последующие номера не удалось опубликовать вследствие осложнения политической обстановки в стране [4, р. 97-98; 8, р. 1-12].

Для характеристики сфер активности ОВЧЖ следует упомянуть и о таком факте, как организация им приема и обустройства в Стамбуле этнических северокавказцев из числа военнослужащих армии Врангеля, покинувшей в конце 1920 г. Россию. Используя связи представителей черкесской элиты в официальных кругах, общество добилось от султанской администрации разрешения на поселение в стране большой группы соплеменников, взяв частично на себя ответственность за их материальное содержание [16, с. 45-46].

Таким образом, после капитуляции османского государства в мировой войне основное внимание лидеров черкесского движения было сосредоточено на поиске оптимальных форм и направлений культурно-просветительной и социально-благотворительной работы в непростой конъюнктуре оккупированного Стамбула. Пользуясь относительной либерализацией политического режима, столичная черкесская элита попыталась возобновить ориентированную на широкие слои своих соотечественников этнонациональную деятельность. Преобразованное в этот период БОСК, возрожденное ЧОЕВ и вновь созданное ОВЧЖ следовали в основном в русле довоенных традиций диаспорной кавказской интеллигенции.

Параллельно, однако, в условиях иностранной оккупации и обострения гражданского конфликта в османотурецком социуме с неизбежностью происходили фрагментация и политизация черкесской элиты. В частности, начиная примерно с середины 1919 г. все более заметное влияние на положение и действия сосредоточенной в столице северокавказской интеллигенции стали оказывать процессы, порожденные развернувшимся в Анатолии национально-освободительным движением под руководством Мустафы Кемаль-паши. В последующий период существенная часть лидеров упомянутых выше организаций покинула Стамбул и примкнула к кемалистам, войдя в том числе в их руководящие структуры, в то время как некоторые их видные члены декларировали лояльность султанскому правительству, а немногочисленная группировка выступила

с планом создания в Анатолии черкесского национально-государственного формирования под покровительством стран Антанты [13, р. 585-590; 15, р. 18-21, 59-62, 70-71]. Все это стало причиной постепенного снижения активности стамбульских черкесских обществ.

Отчасти образовавшимся вследствие данных процессов организационным «вакуумом» объясняется появление в Стамбуле в сентябре 1920 г. нового диаспорного объединения, не связанного с традицией черкесского движения предыдущих лет, – Общества возвышения Кавказа (ОВК). Его основателями являлись лица северокавказского (в основном дагестанского) и азербайджанского происхождения, среди которых были известные религиозные деятели, представители знати, военной и гражданской интеллигенции и др. Практически никто из учредителей и руководителей ОВК, включая его председателя Омера Адиль-бея, в прошлом не имел видимых связей с черкесскими организациями. Устав ОВК, помимо обычных для программных документов других обществ статей о стимулировании социального, экономического и культурного развития соотечественников, содержал пункты о необходимости «укрепления мира и уз любви» среди диаспоры и недопущения ее раскола «по партийному признаку», в чем можно видеть реакцию на проявившийся к указанному времени внутричеркесский гражданский конфликт в Анатолии. С другой стороны, последовательное использование в тексте термина «кавказцы» вместо «черкесы» явно свидетельствовало о намерении апеллировать не только к северокавказцам, но и к выходцам из мусульманских регионов Закавказья. Важнейшей задачей общества провозглашалось также содействие «прогрессу и возвышению» Кавказа, хотя и без конкретизации своего отношения к вопросу о его политическом статусе. Реализовывать намеченные цели ОВК планировало посредством издания соответствующей литературы, организации лекций и проповедей, направления делегаций и миссий в различные инстанции и т.д. [3, р. 32-35]. Насколько можно судить по данным довольно расплывчатым положениям, общество собиралось добиваться консолидации соотечественников в диаспоре и на исторической родине на панкавказской основе вокруг традиционных «национальных» и религиозных ценностей. Мы не располагаем никакими сведениями о фактических шагах ОВК после его создания. В любом случае они едва ли могли быть сколько-нибудь результативными и продолжительными ввиду складывавшейся в стране военно-политической конъюнктуры, а также из-за очевидной локализации общества вне главного течения диаспорной этнонациональной активности.

Несомненно, что в течение 1921-1922 гг. продолжался начавшийся ранее спад в деятельности всех созданных представителями северокавказской диаспоры в Стамбуле организаций. После же подписания в июле 1923 г. Лозаннского мирного договора между кемалистской Турцией и государствами Антанты и вступления кемалистов в Стамбул новые власти страны, не признававшие за нетурецкими мусульманскими группами статуса этнических меньшинств, начали осуществление жестких мер, направленных на ликвидацию последних остатков организованного черкесского движения. В августе того же года распоряжением правительства были закрыты ЧОЕВ и ОВЧЖ, а их архив и библиотека конфискованы и уничтожены. Отдельные активисты обществ позднее были преданы суду трибунала независимости по обвинению в контрреволюционной деятельности, но в конечном счете оправданы [9, р. 37]. В сентябре 1923 г. была закрыта и Черкесская образцовая школа. Ее директор Сеза-ханым, пытавшаяся убедить органы просвещения разрешить функционирование школы хотя бы в качестве турецкой, была арестована и несколько месяцев провела под стражей. В этот же период имели место и другие действия властей, свидетельствовавшие о целенаправленном проведении в жизнь политики государственного устрашения черкесского элемента и его элиты (депортация ряда черкесских сел Северо-западной Анатолии на восток страны, исключение северокавказцев из военных училищ, эксплуатация темы «предательства черкесов» в годы освободительной войны и т.п.) [10, р. 25-26]. Новая обстановка, характеризовавшаяся безоговорочной монополией в идеологической и общественно-политической жизни страны официального туркизма (в его кемалистской интерпретации), сделала на несколько следующих десятилетий практически невозможными любые легальные формы этнонациональной деятельности представителей нетурецких народов.

Список литературы

1. **Чочиев Г. В.** Деятельность Черкесского общества единения и взаимопомощи в Османской империи в 1908-1914 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (59). Ч. 1. С. 196-200.
2. **Aydemir İ.** Muhaceretteki Çerkes Aydınları. Ankara, 1991. 243 p.
3. **Berzeg S. E.** Gurbetteki Kafkasya'dan Belgeler. Ankara, 1985. 44 p.
4. **Berzeg S. E.** Kafkasya ve Çerkesler Bibliyografyası. Samsun, 1996. 143 p.
5. **Blenaw B. H.** Bir Alfabe Önsözü // Yamçı. 1977-1978. № 7-16. P. 71-75.
6. **Butbay M.** Kafkasya Hatıraları. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1990. 130 p.
7. **Çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti Nizamname-i Esasisi.** İstanbul: Ahmed İhsan ve Şirkasi, 1335. 7 p.
8. **Diyane.** 1336. № 1.
9. **Güsar V.** Çerkes Teavün Cemiyeti // Kafkasya. 1975. № 47. P. 28-37.
10. **Güsar V.** İstanbul Çerkes Kadınları Teavün Cemiyeti // Kafkasya. 1975. № 48. P. 21-26.
11. **Şimali Kafkas Cemiyeti Nizamnamesi** // Kafkasya Gerçeği. 1991. № 3. P. 30-32.
12. **Şimali Kafkas Cemiyetinin Şubelerine Ait Talimat** // Kuzey Kafkasya. 1987. № 68-70.
13. **Tunaya T. Z.** Türkiye'de Siyasal Partiler. İstanbul: İletişim, 1999. 656 p.
14. **Turan A.** Osmanlı Dönemi Kuzey Kafkasya Diasporası Tarihinden: Şimali Kafkas Cemiyeti // Tarih ve Toplum. 1998. № 172. P. 50-59.
15. **Ünal M.** Kurtuluş Savaşında Çerkeslerin Rolü. İstanbul: Cem, 1996. 256 p.
16. **Yismeyl Ö.** Yaşanmış Öyküler-Anılar // Kafdağı. 1988. № 19-20. P. 45-46.

CIRCASSIAN ORGANIZATIONS IN ISTANBUL DURING “THE TRUCE PERIOD” IN 1918-1922

Chochiev Georgii Vital'evich, Ph. D. in History

*V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania
georg-choch@yandex.ru*

The article deals with the activity of the organizations that were created by the representatives of the North Caucasian diaspora in Istanbul occupied by the Entente troops during the “truce period” in 1918-1922. On the basis of the analysis of the policy documents of the societies the characteristic of their views and objectives that reflected the evolution of Circassian ethno-national movement in the country at the stated stage is given. The reasons, which led to the gradual decay of the Circassian elite’s activity at the beginning of the 1920s, are identified.

Key words and phrases: Istanbul; period of truce; the Circassians; diaspora; public organizations; ethno-national movement; enlightenment; the Entente; Kemalists.

УДК 304.5

Философские науки

В современной науке отсутствует единый подход к характеристике структуры ментальности. Более того, существует точка зрения о невозможности адекватного решения данной проблемы в связи с «непроявленностью» феномена ментальности. Анализируя взгляды российских и зарубежных исследователей, автор стремится обозначить свое видение особенностей элементов ментальных структур, как относящихся к сфере коллективного бессознательного, так и осознаваемых и рациональных.

Ключевые слова и фразы: ментальность; архетип; стереотип; табу; символ; коллективное бессознательное; аполлоническое; дионисийское.

Чуркина Наталия Анатольевна, к. филос. н., доцент

*Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
NB1468@ngs.ru*

ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ МЕНТАЛЬНОСТИ

Об актуальности понятия «ментальность» в современной науке говорят многие ученые. Так, по словам Л. В. Санжеевой изучение ментальных структур дает возможность «исследовать и познать особенности и ценности социокультурного наследия и современных трансформаций человека и общества» [6, с. 185]. Глобализационные процессы в мире также актуализируют проблему феномена ментальности, так как ментальные структуры выражают специфику той или иной культуры, выступают как детерминирующий фактор мышления представителей той или иной общности и обуславливают межкультурную коммуникацию.

Необходимым аспектом анализа сущности феномена ментальности является характеристика ее структуры. Для того чтобы определить структуру чего-либо, прежде всего, необходимо выявить те элементы, из которых состоит изучаемый объект, после чего необходимо обозначить взаимосвязи его составных частей.

Сложность решения этой проблемы заключается в том, что в современной науке не существует однозначных представлений относительно структурных элементов ментальности. При этом в научной литературе можно обнаружить достаточно радикальную точку зрения, согласно которой, решение проблемы выявления структурных элементов ментальности следует отложить на неопределенный срок. По мнению ряда исследователей, ментальность является крайне сложным явлением, а в качестве ее системообразующего признака «с равным успехом могут выступать и социальные стереотипы, и ценностные ориентации, и архетипы коллективного бессознательного, и система представлений о мире, и способы мышления, и эмоционально-оценочные особенности переживаний текущих событий» [4, с. 35]. Кроме того, некоторые исследователи убеждены, что определить структуру менталитета как «нечто законченное целое, означало бы ограничить его». В итоге, делается вывод о «принципиальной невозможности четкого ограничения контуров менталитета, как структурной целостности» [1, с. 168].

Тем не менее, в современной науке представлены различные точки зрения об элементах структуры ментальности, в качестве которых называются стереотипы, установки, представления, ценности и др. Представляется, для того чтобы преодолеть подобную эклектичность, необходимо представить ментальность в качестве некой модели – теоретической конструкции, в которой воплощена информация о наиболее существенных характеристиках изучаемого объекта.

Моделирование структуры ментальности необходимо осуществлять исходя из особенностей человеческого мышления, важнейшей из которых выступает такая характеристика как степень рефлексии.